

*Е.Ю. Кнорозова**

Вьетнамский поэт Чан Нгуен Дан и китайская культурная традиция

АННОТАЦИЯ: Чан Нгуен Дан (1325–1390), член императорской семьи Чан, крупный чиновник, известен как поэт, математик, астроном. Чан Нгуен Дан находился в родстве с несколькими известными людьми того времени. Он дедушка великого вьетнамского поэта и государственного деятеля Нгуен Чая (1380–1442) и военачальника Чан Нгуен Хана (1378–1429). К.Ю. Леонов показывает существование глубокой художественно-психологической связи между стихотворением «Осеннее плавание в устье Восточных приливов» Чан Нгуен Дана и поэмой-фу Су Дунпо (1036–1101) «Красные скалы. Поэма первая». Су Дунпо жил в местности Чоучи. Это был знаменитый и необычайный уголок, по преданию, там имелось отверстие, через которое подземными путями можно сообщаться с первым Небом-Пещерой (*дунтянь*), называемым «Чистая пустота» и ассоциировавшимся также с островом-горой Пэнлай. Имение Чан Нгуен Дана в горах Коншон, где он поселился, когда вышел в отставку, называлось Пещера Чистая пустота. Творчество вьетнамского поэта в значительной степени соотнесено с китайской культурой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вьетнам, культура, литература, поэзия, Китай, пещера, тыква-горлянка, чиновник, Чан Нгуен Дан.

Чан Нгуен Дан (1325–1390), член императорской семьи Чан (1225–1400), крупный чиновник, известен также как поэт, математик, астроном, автор ныне утраченного сочинения «Всеобщие записи, охватывающие сто поколений» (*Бать тхе тхонг ки тхы*). По словам

* Кнорозова Екатерина Юрьевна, к.ф.н., доцент Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия; E-mail: knorozova@yandex.ru

К.Ю. Леонова, пятьдесят одно из сохранившихся стихотворений (сборник *Банг Хо нгок хак тап* «Нефритовый ручей») Чан Нгуен Дана являются лирическими зарисовками, впечатлениями от пребывания в действующей армии, поздравлениями друзей в связи с назначениями на высокие государственные должности, стихами-откликами на стихи, сочинённые императором [2, с. 188, 194].

Чан Нгуен Дан взял себе псевдоним Банг Хо — «Ледяной сосуд в форме тыквы-горлянки». В этом выражении, как отмечает Э. Гаспардон, содержится намёк на строку из знаменитых стихов Ван Чанлина (698–756) времён династии Тан (618–907): «ледяное сердце в яшмовом сосуде в форме тыквы-горлянки (*ху*)» [8, с. 94]. Тыква-горлянка в дальневосточном культурном регионе символизирует рог изобилия; китайские врачеватели держали свои снадобья в маленьких тыквах-горлянках или же во флаконах той же формы, поэтому этот плод является также символом исцеления. Существовало выражение *хутянь* «небо в форме тыквы-горлянки», обозначавшее райское место в обособленном мире.

В сборнике переводов поэзии стран дальневосточного культурного региона «Светлый источник» приведены три стихотворения Чан Нгуен Дана, вот одно из них:

Бессонница
Палаты пусты. Часы водяные
Отстали. Промозгло вокруг.
Далеко хризантемы родного сада,
Сосны родные, луг.
Всё время думаю о делах,
Заботы тревожат, служба.
Выздоровленье едва ли не хуже,
Чем пережитый недуг [5, с. 435–435].

Это стихотворение передаёт чувства автора и не требует специального комментария.

В сборнике XV в. *Нам онг монг лук* («Сны Южного старца») Хо Нгуен Чынга два рассказа посвящены Чан Нгуен Дану. В 1341 г. власть оказалась в руках Зу-тонга (1341–1369), не правившего при государе-наставнике и не имевшего к занятию государственными делами никакой склонности. Он с большим размахом принялся строить дворцы и устраивать празднества. Беззаконие и коррупция процветали. Добродетельные чиновники пытались усовестить государя, но их доклады оставались без внимания. Одним из таких чиновников был Чан Нгуен Дан, другим — Тю Ван Ан (?–1370), принадлежавший к таким кругам, которые требовали уже не реформ для сохранения централизованного государства, а казни недостойных министров. Тю

Ван Ан подал знаменитое «Прошение на высочайшее имя о казни семерых», оно осталось без ответа. Тю Ван Ан отказался от службы и вернулся в деревню. После смерти Зу-тонга легче не стало, власть оказалась у Зыонг Нят Ле, началась смута. Вскоре Зыонг Нят Ле был казнён, а императором сделали Нге-тонга (1370–1372). Приход к власти этого государя одобрили и Чан Нгуен Дан, и Тю Ван Ан.

Первый рассказ называется «Стихи, в которых преданный подданный иносказательно увещевал»: «В один из годов под девизом правления *Чжи-чжэн* (1341–1352. — *Е.К.*) Чан Нгуен Дану из Зяоти, принадлежавшему к правящему дому Чан и служившему чиновником при *Зу-выонге*, пожаловали должность *нгыши дайфу*. Правитель не заботился об управлении страной, и влиятельные сановники совершали много противозаконного. Нгуен Дан постоянно укорял их, но его критику не воспринимали. Когда *Зу-выонг* умер, его внук — *Хон-дык* взойшёл на престол. Дела пошли ещё хуже. Нгуен Дан подал доклад на высочайшее имя, но государь не ответил. Тогда Нгуен Дан попросил об отставке и уехал. Он послал своим коллегам-чиновникам из Палаты инспекторов стихи:

Покинув Палату инспекторов, оказался на краю света.

Оглядываясь назад, испытываю лишь скорбь — все дела так неприглядны.

Пыль на многих дорогах легко делает человека старым.

Дождь и ветер на пяти озёрах заставляют подумать о возвращении домой.

Конфуцианские добродетели не помогли, да и вернуться уже нету сил.

Авторитет государства словно повис в воздухе, мой уход тоже был ошибкой.

С древности и до наших дней процветание и упадок чередуются. Как можно терпеть, что выражающие укор письма столь редки?

Впоследствии при дворе произошла смута. Нгуен Дан бежал вслед за *Нге-выонгом*, который вскоре стал государем. Правитель даровал Нгуен Дану должность *тыдо биньтионгши*. Он много лет был всемогущим министром, затем умер. Нгуен Дан изучал систему летосчисления, составил книгу „Всеобщие записи, охватывающие сто поколений“. Повествование в ней начиналось с глубокой древности — с правления Яо и заканчивалось династиями Сун (960–1279. — *Е.К.*) и Юань (1271–1368. — *Е.К.*), сообщалось о солнечных и лунных затмениях, движении звёзд по небосклону — всё в точном соответствии со старинными сведениями. Нгуен Дан успешно совершал моления о дожде. Псевдоним его был Банг Хо» [1, с. 156–157].

Второй рассказ озаглавлен «Печальные стихи по поводу увещевания государя»: «Банг Хо, когда занимал должность *тыдо*, сложил стихи под названием „Пишу о северной части неба“. Там были такие строки:

Солнце восходит на небе легко,
Сделать государя похожим на Яо и Шуня¹ трудно.
Живу уже шестьдесят лет,
Опускаю голову от стыда.

Наверное, когда был *тетьюнг*, и не мог похвалиться достигнутым, высказал жалобу, это из-за горечи в сердце, из-за его верности и честности. Строки заслуживают того, чтобы их сохранили, не так ли!» [1, с. 161].

Чан Нгуен Дан посвятил Тю Ван Ану стихи, гласившие:

Узорная шапка. Жезл Хуаня. В сердце уже зола.
Ветер и иней, разве посмеют сгубить на морозе сливу!
Белые облака громоздятся десятью тысячами слоёв.
Горная калитка закрыта.
На коричневых тропах много развилок, а конь мой уже утомлён.
Ароматные пологи уже не изумляют, одинокий журавль ропщет.
Как прекрасен был ход тростниковой повозки! Он возвращал народ обратно.
Блистающий двор, алтари Земли и злаков, небо наделило их благодатью.
Это достижимо, если послать за учителем в захолустье, где старая яшма [11, с. 163].

Это стихотворение требует пояснений. Так, «жезл Хуаня» — один из шести жезлов высших сановников периода Чжоу (1122–256 до н.э.), упомянут в *Чжоу ли* как ритуальный жезл на дворцовых церемониях чжоуского Хуань-вана (719–696 до н.э.), имел мечевидную форму, на церемонии держался за тупой конец, изготовлялся из целого куска нефрита, является поэтической метафорой чиновничьей бирки сановника высокого ранга при назначении на должность. «В сердце уже зола» — душа остыла настолько, что может беспристрастно судить о мнениях, не принимая чью-либо сторону. «Ветер и иней, разве посмеют погубить на морозе сливу» — молодые годы не подвластны внешним невзгодам. «Горная калитка закрыта» — символ отшельника, ушедшего в горы. «На коричневых тропах» — образ из поэзии Ли

¹ Яо и Шунь — легендарные добродетельные правители древнего Китая.

Бо (701–762), символизирует столичную жизнь, трудности карьеры и сдачи экзаменов. «Одинокий журавль ропщет» — символ даосского бессмертного, согласно преданию сам Лао-цзы летал на белом журавле. Одинокий журавль в конфуцианстве — намёк на крупного сановника, недовольного своей судьбой и потому склонного к даосизму, здесь, возможно, намёк на собственную судьбу. «Тростниковая повозка» — повозка, колёса которой увиты тростником, чтобы устранить тряску, знак особого уважения к вызванным в столицу мудрецам. В истории наиболее известны два персонажа, удостоившиеся этой чести: луский Шэнь-гун и Мэй Чэн из Хуайиня. За обоими такую повозку послал ханьский У-ди (140–87 до н.э.). «Алтари Земли и злаков» — синоним государства.

Эти три стихотворения связаны с государственной службой, навеяны печальными раздумьями о судьбах родины.

Чан Нгуен Дан находился в родстве с несколькими известными людьми того времени. Так, он — дедушка по материнской линии великого вьетнамского поэта и государственного деятеля Нгуен Чая (1380–1442). Когда Нгуен Чаю было пять лет, он вместе с Чан Нгуен Даном, который вышел в отставку (1385), поселился в горах Коншон. Вскоре умерла его мать Чан Тхи Тхай, а в 1390 г. скончался и Чан Нгуен Дан. На склоне лет Нгуен Чай вернулся в родное поместье.

Отец Нгуен Чая — известный литератор, государственный деятель Нгуен Фи Кхань (1353 г. – начало XV в.). Как отмечает А.Л. Федорин, «известный своей учёностью, он был приглашён в дом высокопоставленного деятеля из императорского дома Чан, главного блюстителя нравов-*тыдо* Чан Нгуен Дана в качестве наставника его старшей дочери Чан Тхи Тхай, на которой в конце концов женился. Фактически правивший тогда Чан Нге-тонг был недоволен этим браком простолюдина с императорской родственницей и отказался использовать Нгуен Фи Кханя на службе. После прихода к власти династии Хо он принял от её императоров должности сначала начальника-*тыкхань* приказа Уголовных дел, потом *тхиланга* Секретариата-*чунгхытинь*, учёного-*хокши* академии Ханлам, заместителя руководителя-*тынгиен* школы Сынов отечества. После того как в 1407 г. сдался Минам, был отправлен «для получения нового назначения» в Китай, где вскоре умер» [4, с. 293–294].

Внуком Чан Нгуен Дана и двоюродным братом Нгуен Чая был Чан Нгуен Хан (1378–1429), также сражавшийся вместе с Ле Лоем против китайских захватчиков. После победы, «...когда остро встал вопрос о престолонаследии, он попал под подозрение, так как имел все основания претендовать на престол как прямой потомок императоров династии Чан. Поэтому сначала был отправлен в отставку со всех сво-

их постов, затем, в 1429 г., арестован и отослан в столицу. По дороге покончил с собой, скорее всего по приказу императора» [4, с. 356].

Действия всемогущего сановника Хо Куи Ли, сосредоточившего в второй половине XIV в. в своих руках большую власть, беспокоили Чан Нгуен Дана, относившегося к нему с недоверием. В 1385 г. Чан Нгуен Дан вышел в отставку и поселился в поместье в горах Коншон, расположенных к северу от Красной реки (пров. Хайхынг). Горы Коншон — очень живописное место, до сих пор любимое вьетнамцами. Нгуен Чай в произведении «Воспеваю Коншон» (*Коншон ка*) писал:

«В Коншоне есть ручей, его журчание напоминает звуки лютни.

В Коншоне есть скала, дожди так промыли устилающий её голубоватый мох, что я считаю его своей циновкой.

Рядом с водопадом растут сосны, я отдыхаю под их сенью, а вокруг всё зелено на десятки тысяч *зямов* (432 м. — *Е.К.*).

В лесу растёт бамбук, на тысячи *мау* (360 кв.м. — *Е.К.*) зелень и прохлада, я декламирую здесь стихи.

Люди! Почему вы не ищите пути возвращения к горам и лесам, половину жизни проводите, словно в тюрьме, среди песка и пыли? Несчётные меры риса, богатство — девять треножников, зачем всё это? Пить чистую воду, есть овощи, следовать судьбе — этого достаточно... Нужно знать, что человек живёт около ста лет, а потом гниёт вместе с растительностью. Радость, печаль, заботы, веселье сменяют друг друга. Одно уходит, другое приходит, свежесть и увядание следуют друг за другом. Что тебя ждёт — могильный холмик или роскошный дом — зависит от случайности...» [10, с. 106–107].

К.Ю. Леонов в статье «„Красные скалы“ Су Дунпо и „Осеннее плавание“ Чан Нгуен Дана. Опыт сопоставления» показывает, что стихотворение «Осеннее плавание в устье Восточных приливов» Чан Нгуен Дана является своеобразным лирическим впечатлением, полученным чанским автором при прочтении поэмы-*фу* Су Дунпо (1036–1101) «Красные скалы. Поэма первая» [2, с. 187]. В лице Чан Нгуен Дана Су Дунпо получил того истинного ценителя своей лиры, о котором может только мечтать любой поэт [2, с. 194]. Перевод стихотворения Чан Нгуен Дана таков:

Осеннее плавание (в устье) Восточных Приливов

Два старика безмолвствуют, у обоих с проседью виски,
Вместе в лодке пьём вино, следуя за Девушкой,
Через морские ворота тысячами струй отступает к вос-
току (вода),

В вышине бескрайнего осеннего неба возвращается
одинокая птица.

Прочувствуй, но не грусти из-за изменений древних и
нынешних,

Во время плавания то вздыхаешь от ужаса, то успокаиваешься его отсутствием.

(Река) Мило и (ущелье) Чиби (покрыты) пылью (времен),

Стремительно разверну парус — расспрошу о древности
горы [2, с. 189].

В поэме-*фу* Су Дунпо упоминается Цао Цао — полководец, государственный деятель, поэт. В истории китайской литературы Цао Цао и его сыновей Цао Пэй и Цао Чжи именовали тремя Цао. Цао Цао командовал императорскими войсками при разгроме восстания «Жёлтых повязок» (184–186 гг.) В 208 г. Цао Цао, пытаясь подавить восстание дома Сун, потерпел поражение в сражении при Чиби (Красных скалах).

К.Ю. Леонов приводит полный перевод поэмы-*фу* Су Дунпо, выполненный И. Голубевым и даёт сравнительный анализ текстов стихотворений китайского и вьетнамского поэтов. Учёный отмечает, что «...единственной нашей целью при написании настоящей работы было убедить читателя в существовании глубокой художественно-психологической связи между двумя исследуемыми произведениями» [2, с. 194]. Статья К.Ю. Леонова представляет большой интерес, к сожалению, подобные работы редки в российском вьетнамоведении.

Представляется уместным дополнить исследование К.Ю. Леонова некоторым культурологическим комментарием.

Как отмечает Р. Стейн, Су Дунпо жил в местности Чоучи. Питая слабость к причудливым миниатюрным скалам, он купил камень, в котором смешались зелёный и белый цвета, именовал его Чоучи — так называлось место, где Су Дунпо жил. Оно обладало известностью, это был знаменитый и необычный уголок. На вершине горы Чоучи находится озеро (*чи*), отсюда её название. Озеро окружает равнина, ограниченная со всех четырёх сторон высокими уступами. Дорога, ведущая туда, извивается спиралью, напоминая кишки барана, делая в общей сложности тридцать шесть оборотов. Местность ещё примечательна тем, что там имеется отверстие, через которое подземными путями можно сообщаться с небом Сяо-ю, первым небом-пещерой (*дунтянь*), называемым также «Чистая пустота». Это место ассоциируется также с островом-горой Пэн-ху (букв: «сосуд ху», Пэнлай). Мы имеем в наличии отгороженный совершенный мир. Четыре стены, окружающие этот квадрат, делают его похожим на крепость. Но престиж такого места имеет ещё более

глубокие основания. В действительности, оно точно повторяет конфигурацию черепа Конфуция, напоминавшего амфитеатр горы Ницюшань, куда его мать совершила паломничество, благодаря которому и был зачат Конфуций (получивший, кстати сказать, личное имя Чжун-ни из-за этого обстоятельства)². Гора Чоучи напоминает типичное святое место, один из тех уголков, где, при наличии горы и водоёма, происходили весенние праздники со встречами юношей и девушек, имевшие целью получение дождя и потомства. Именно такую обитель бессмертных, благоприятную для совершения мистических прогулок, известнейшее среди прочих святое место и выбрал Су Дунпо как символ своего уединения и счёл необходимым воспроизвести в миниатюрной скале [6, с. 185–186].

Имение Чан Нгуен Дана на горе Коншон, где он поселился, выйдя в отставку, называлось *донг* (кит. *дун*) — Пещера, Тханьхы (кит. *цин сюй*) — Чистая пустота.

Иероглиф *донг* переводится как пещера, грот; кроме того, *дун* — родовое название некоторых административных единиц с компактным населением *мяо*, *тун*, *чжуан*, так называлась территориальная единица родоплеменной организации на острове Хайнань. Существовало выражение *донг тю* (кит. *дун чжу*) — правитель, возглавлявший большой или малый *дун* на острове Хайнань. В предисловии, например, к «Правдивому повествованию (о восстании в) Ламшоне» (*Ламшон тхык лук*, XV в.) Ле Лой называет себя *Ламшон донг тю* «Правитель Ламшона». Один из псевдонимов императора Ле Тхань-тонг (XV в.) — *Тхиен Нам донг тю* «Правитель Небесного Юга». Сочетание *Тхиен Нам* «Небесный Юг», означавшее Вьетнам, употреблялось в названиях сочинений не только XV в., но и XVIII в. Существовало выражение *донгтхиен* (кит. *дунтянь*) — земной рай, обетованная земля, обиталище бессмертных. Иероглиф *тхань* (кит. *цин*) переводится как чистый, ясный; употреблялся для обозначения даосской обители бессмертных; *хы* (кит. *сюй*) — пустота; выражение *тханьхы* имеет также перевод скромность, простота, нетребовательность.

Как отмечает Р. Стейн, у подножия горы Коншон находилось озеро, названное «Колодец, глаз дракона». На вершине этой горы монах Фап Лоа построил две пагоды, одна называлась Хотхиен («Небо-тыква»), другая — Тянлак («Радость совершенных людей»). В начале весны туда приходили юноши и девушки, поднося благо-

² Примечательно, что эта особая конфигурация местности Чоучи встречается в райской Стране-Тыкве, прародине горцев Тонкина. На плодородном плоскогорье (Стране-Тыкве) имеется священная гора, а на её вершине расположен водоём, из которого берут начало три реки. Это святое место, тут хоронят предков.

вония. Небо-тыква, обладающее всеми характеристиками святого места (гора и вода), является местом весенних встреч между юношами и девушками. После работ М. Гране хорошо известно большое значение, придававшееся в древнем Китае этим весенним праздникам, сопровождавшимся чередующимися песнями и сексуальными играми между юношами и девушками, тем более не будем забывать о существовании и в наши дни этих обычаев в стране аннамитов [6, с. 182–183].

На горе Коншон был мост Тхаунгок — Омытая яшма, небольшой храм (*ам*) Батьван (кит. *бай юнь*) — Белое облако [9, с. 25]. Белые облака, как отмечает А.Г. Сторожук, являются символом чистоты и непричастности мирскому, В. Малявин определяет их как прообраз великой естественности сознания, сумевшего освободиться от всего частного и бренного, до конца «опустошить себя» [7, с. 220]. В то же время словосочетание «белые облака» было метафорическим названием удалившихся от службы чиновников или оставивших мир отшельников. Подобное употребление этого выражения встречается уже в произведениях эпохи Цзинь (265–420) и Северных и Южных династий (420–589). Словосочетание «белые облака» входит в состав выражений «Человек Белых облаков» (кит. *бай юнь жэнь*), и «Муж белых облаков» (кит. *бай юнь ши*), обозначающих, соответственно, буддийского и даосского наставников [7, с. 220–221]. Облака могут упоминаться в своём первоначальном, прямом смысле, поскольку «облака есть не что иное, как дыхание (и, стало быть, дух, душа гор)» [7, с. 221].

Во вьетнамской литературе при упоминании словосочетания «белое облако» прежде всего вспоминается известный поэт и мыслитель XVI в. Нгуен Бинь Кхием (1491–1585). Высокопоставленный сановник после того, как был отвергнут его проект преобразований, вынужден был удалиться в деревню, где в доме, ставшем известным как «Приют Белого Облака», долго жил в смутное время. Нгуен Бинь Кхием — автор «Сборника стихов из „Приюта Белого Облака“» (*Батьван ам тхи тап*) и «Сборника стихов Белого Облака на родном языке» (*Батьван куок нгы тхи*) [3, с. 45–46].

Нгуен Фи Кхань в «Записках о Пещере Тханьхы» (*Бай ки донг Тханьхы*) упоминает о строительстве поместья Чан Нгуен Дана: «наш министр Банг Хо, талантливый человек, соединивший горы и реки, служивший опорой алтарю Земли и злаков (символ государства. — *Е.К.*), в то время, когда случился мятеж Зыонг Нят Ле (1369–1370. — *Е.К.*), имел заслуги по подавлению внутренних бедствий, в одиночку взвалил на себя ношу государственных дел в угрожающей ситуации, сохранил основы государственности во времена потрясений, разве он

не поступал по велению небес? <...> Господин попросил императора даровать ему участок земли на горе Коншон, чтобы он мог построить дом, который будет служить ему пристанищем после выхода в отставку. Оба императора Чан (Нге-тонг, годы правления 1370–1372, и Чан Зюе-тонг, годы правления 1373–1377. — *Е.К.*) ценили его заслуги и хотели, чтобы он оставался на службе, но Чан Нгуен Дан проявил настойчивость, и при дворе согласились с его просьбой. Затем господин осмотрел пожалованные ему земли, были произведены землемерные работы, через некоторое время местность приведена в порядок. Собралось несколько десятков человек, вырубил слишком густые деревья, выровняли бугристые каменные пригорки, прочистили ручей, расширили дороги, всего было вдоволь — и работников и материалов, сделали фундамент, возвели стены. Непрерывный труд продолжался почти месяц, и все было закончено. Высокие места имели форму купола, а низкие — вогнутой сковороды, если глядеть на пейзаж издали, лобуешься зеленью, причудливыми видами, множество уголков для отдыха или веселья, всё вместе называется Пещера Тханьхы. Когда работы были закончены, император Зюе-тонг самолично составил текст стелы, установленной перед входом в Пещеру, император-отец сочинил надпись, выгравированную позади каменной стены, это было сделано, чтобы прославить подвиги и выразить хвалу (Чан Нгуен Дану. — *Е.К.*) <...> Великий сановник, продвигающийся вперед или вышедший в отставку, имеет непосредственную связь с государством, это заботит совершенного мужа — *цзюньцзы* на протяжении всей жизни. С низким человеком — *сяожэнь* всё по-другому: когда правитель использует его на службе, то он беспокоится о государственных делах, после отставки все заботы исчезают, когда занимает должность, гонится за деньгами, не отказываясь ни от чего, когда теряет должность, сердится и удаляется в раздражении, таких людей нельзя сравнить с добродетельными мужами, пребывают ли они на службе или же отходят от дел...» [9, с. 25–28].

Об этом же повествует и Нгуен Чай в «Записи событий переданных по наследству, посвящённых Банг Хо» (*Банг Хо зи ши лук*): «Министр Банг Хо происходил из рода Чан. Его отец — Уи тук-конг, табуированное имя Ван Бить, занимал должность *няпной тхайбао*, помогал императору Минь-тонгу (1314–1329. — *Е.К.*) в деле установления мира. Дед — Ван тук-выонг, табуированное имя Дао Тай, в 14 лет сдал дворцовые экзамены и удостоился степени *банг-нян*, император Тхань-тонг (1258–1278. — *Е.К.*) даровал ему парадные одежды, чтобы выразить свою приязнь... Прадедушка —

Тиеу минь *дай-выонг*, табуированное имя Куанг Кхай³, младший сын императора Тхай-тонга (1225–1258. — *Е.К.*), возвысился до должности *тхьонгтыонг тхайши*, имел исключительные заслуги во время годов под девизом правления Чунг-хынг (1285–1293. — *Е.К.*) <...>, умер в возрасте 50 лет, его стихотворный сборник „Радость постижения *дао*“ (*Лак дао тан*) получил распространение. Банг Хо (псевдоним Нгуен Дана) — происходил из уважаемой семьи, принадлежавшей к старинному роду... Прежде, когда Хон-дык (имеется в виду император Зыонг Няг Ле. — *Е.К.*) устроил мятеж, он вместе с императорами Нге-тонгом и Зюе-тонгом бежал из столицы. После установления мира его сделали *тыонг куок* <...>, все жители государства превозносили его как талантливого человека. Любкой мальчишка знал об его известности. Когда род Хо возвысился, и ростки грядущих бед только проявились, господин сказал: „Совершенноумудрый человек — *цзюньцзы*, когда видит начало опасных махинаций, не ждёт до последних дней“. Тогда приказал возвести на горе Коншон в уезде Фьонгшон „Пещеру Тханьхы — Чистая пустота“, чтобы жить там, уйдя в отставку. После того, как работы были закончены, император Зюе-тонг даровал доску, на которой были высечены собственноручно им написанные иероглифы большого размера „Тхань хы донг“ — «Пещера Тханьхы». Император Нге-тонг сочинил текст стелы, высеченной на горной скале... Когда дед заболел, то отказался принимать лекарства. На увещевания внуков он отвечал: „Когда дела обстоят таким образом, то умереть — счастье, а вы просите меня продлить жизнь, чтобы смотреть на все эти бедствия?“ Вскоре после того, как дед умер, род Хо захватил власть в стране, и все потомки династии Чан были уничтожены. Предсказания деда сбылись. Банг Хо умер дома в возрасте 65 лет, в 14 день 11 лунного месяца года под циклическим знаком *каньнго* (1390 г. — *Е.К.*), похоронен на горе Тамзяп уезда Фьонгшон района Лангтяу.

³ Военачальник и поэт Чан Куанг Кхай (1241–1294) писал о выигранных им сражениях в стихотворении «Вслед за колесницей государя возвратился в столицу»:

При переправе Тьонг-зыонг отнял копье у врага,
У заставы Хам-ты полонил воинство ху.
В годы мира силы свои напрягай —
Тысячи лет будут нетленны горы и реки твои.

Ху — кочевые племена на северо-западных границах древнего Китая, здесь имеются в виду монголы [3, с. 31]. Чан Куанг Кхай, младший сын императора Чан Тхай-тонга, прославившийся как полководец, государственный деятель, поэт был очень образованным человеком, знавшим разные языки, поэтому в посольских миссиях он часто был переводчиком [12, с. 58–59].

Из его одиннадцати детей после периода военных действий в живых не осталось никого. Моя мать была третьей дочерью, она скончалась, когда дед был ещё жив... В волнении я припомнил, что Тао Цянь⁴, <...> Чжу Си⁵ писали о своих дедушках по материнской линии, сердце переполняли чувства... К тому же потомков у деда не осталось, и мой долг — продолжать дело семьи. Я намеревался построить дом у подножия горы Коншон, чтобы совершать жертвоприношения, но мой замысел так и не осуществился... Кроме того, ряд сведений о рассказываемых событиях приводятся в „Записках о Пещере Чистая пустота“ учителя Ни-кхе⁶. 11 месяц года под циклическим знаком *маутхан* девиза правления Тхуантхиен нгуенниен (1428. — *Е.К.*) [10, с. 104–106].

По мнению Р. Стейна, псевдоним Чан Нгуен Дана — Банг Хо, «Ледяной сосуд ху» — не просто литературный намёк на известные стихи, выражение сохраняет свою первоначальную ценность. Сосуды ху могут быть мирами, точно так же, как некоторые пещеры — небом (райскими мирами *дунтянь*). Имя «Чистая пустота», данное пещере в этой местности, является одновременно названием первого небापещеры (*дунтянь*), упомянутым в одной из даосских энциклопедий, включённых в свод даосских сочинений. Яшмовый или ледяной сосуд ху — это чистый мир, первое местопребывание бессмертных. В поэме императора У-ди лянской династии эта особая чистота связывается с пустотой зеркальной поверхности *фанчжу* (сосуда для росы, собираемой при лунном свете), предназначенного для притягивания и сбора светлых вод луны, то есть росы. Подобные вещи притягиваются. Зеркальная поверхность *фанчжу* принадлежит к женскому началу *инь*, это стихия воды, и она притягивает лунную воду (*инь*), тогда как огневое зеркало *суй* (в древнем Китае — бронзовый рефлектор для добывания огня от солнечных лучей) относится к мужскому началу *ян* и притягивает солнечный огонь (*ян*). С другой стороны, зеркальная поверхность *фанчжу* определялась как бассейн. Бассейны с водой, присутствующие в садах в миниатюре, принимали в себя и поддерживали лунный свет, на рассвете там собирали росу. Поверхность воды в совершенном месте в форме тыквы (сад в миниатюре тоже является небом-тыквой) уподобляется колодезю. Колодец — это зеркало. Пещера «Чистая Пустота», где речь об особенной чистоте зеркальной поверхности *фанчжу*, ассоциируется с водоёмом, названным

⁴ Тао Юаньмин (365–427) — знаменитый китайский поэт, государственный деятель.

⁵ Чжу Си (1130–1200) — знаменитый китайский философ, глава сунских неоконфуцианцев.

⁶ Имеется в виду Нгуен Фи Кхань, отец Нгуен Чаа.

«Колодец, глаз дракона». Но эта Чистая Пустота, обозначающая первое знаменитое райское место, представляет собой также выражение, характеризующее состояние ума при совершенной мистической медитации. Это состояние высшего восхищения в вечно существующем мире выражается в дальневосточном искусстве и мистических метафорах в виде образа полной луны, отражающейся в зеркальной глади воды [6, с. 184–185].

Возможно, при выборе названия для своего имени Чан Нгуен Дан учитывал ассоциации, связанные с местностью Чоучи, где жил Су Дунпо.

Таким образом, можно отметить, что получить полное представление о творчестве вьетнамского поэта Чан Нгуен Дана без соотнесения ряда его стихов с китайской культурой представляется затруднительным.

Литература

1. *Кнорозова Е.Ю.* Странствия в бесконечном. Вьетнамская традиционная проза малых форм. СПб, 2009.
2. *Леонов К.Ю.* «Красные скалы» Су Дунпо и «Осеннее плавание» Чан Нгуен Дана. Опыт сопоставления // Традиционный Вьетнам. М., 2008. Вып. 3. С. 188.
3. *Никулин Н.И.* Вьетнамская литература. М., 1971.
4. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы) : в 8 т. / пер. с ханвьета, коммент., вступит. ст. и прил. *А.Л. Федорина.* М., 2014. Т. 5.
5. Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М., 1989.
6. *Стейн Р.* Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона // Миниатюрные сады стран дальневосточного культурного региона. СПб., 2007.
7. *Сторожук А.Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб., 2010.
8. *Gaspardone E.* Bibliographie annamite // BEFEO. Т. 34. Hanoi, 1934.
9. *Bùi Huy Bích.* Hoàng Việt thi văn tuyển. Hà Nội, 1957. Т. 1.
10. *Bùi Huy Bích.* Hoàng Việt thi văn tuyển. Hà Nội, 1957. Т. 2.
11. Thơ văn Lý Trần. Hà Nội, 1978. Т. 2.
12. *Trần Văn Giáp.* Tìm hiểu kho sách Hán Nôm. Hà Nội, 1990. Т. 2.

*E.Yu. Knorozova**

Vietnamese poet Chiang Nguyen Dang and Chinese cultural tradition

ABSTRACT: Chiang Nguyen Dang (1325–1390), a member of the imperial Chiang family, was a prominent official, known as a poet,

mathematician, and astronomer. Chiang Nguyen Dang was related to several famous people of that time. He was the grandfather of the great Vietnamese poet and statesman Nguyen Chai (1380–1442) and Chiang Nguyen Khan (1378–1429). K.Yu. Leonov shows the existence of a deep artistic and psychological connection between the poem "Autumn swimming in the mouth of the Eastern tides" Chiang Nguyen Dang and the poem-*fu* by Su Dongpo (1036–1101) "Red rocks. The first poem. " Su Dongpo lived in the Chowchi area. It was a famous and unusual corner, there was an opening through which underground paths can communicate with the first Heaven-Cave (*Dongtian*), called "Pure emptiness" and associated with the island-mountain Penglai. The estate of Chiang Nguyen Dang in the mountains of Konshon, where he settled when he retired, was called Cave Clean emptiness. Creativity Vietnamese poet is largely correlated with Chinese culture.

KEYWORDS: Vietnam, culture, literature, poetry, China, cave, pumpkin, official, Chiang Nguyen Dang.

* Knorozova Ekaterina Yuryevna, PhD (Philology), Associate Professor of the Faculty of Asian and African studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; E-mail: knorozova@yandex.ru